

КОЛОКОЛ НАД СТИКСОМ

Памятнику жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище исполняется 20 лет

Не случайно, видно, ручеёк, впадающий в Егошиху, назван звучным именем древней подземной реки забвения: немало есть людей, которые хотели бы никогда не вспоминать о том, что находится на его берегах. Здесь, между зданием следственного изолятора — бывшей тюрьмой НКВД №1 — и Егошихинским кладбищем в годы «Большого террора» 1937 — 1938 годов проводились тайные захоронения узников, умерших от голода и пыток.

«Компетентные органы» на протяжении многих лет не подтверждают, что в Перми существуют захоронения жертв политических репрессий. Сведения о братских могилах в логу речки Стикс появились в конце 1980-х годов, когда общество «Мемориал» делало свои первые шаги. Свидетели вспоминали, что в этот лог по ночам вывозили из тюрьмы трупы расстрелянных и сбрасывали в заранее вырытые канавы. Свидетели были тогда мальчишками. Любопытство пересиливало страх, и они с вечера прятались в кустах и ждали, когда в ночной тишине раздастся скрип тяжело нагруженных телег.

— Я слышал также от садоводов, дачки которых располагались вдоль лога, что, вскапывая грядки, не раз и не два они наткнулись на человеческие останки, — говорит почётный председатель Пермского краевого отделения общества «Мемориал» Александр Калих. — Конечно, можно было бы провести самостоятельные раскопки, как делали тогда во многих других регионах страны. Но мы решили не делать этого, не тревожить прах погибших. Обратились с запросами к «компетентным органам» с просьбой дать точные сведения о фактах расстрелов в тюрьме НКВД №1 и местах захоронений погибших. Ответ был простой: сведений нет, документы не сохранились.

Как известно, Пермская область была выделена из Свердловской области 3 октября 1938 года. До этого времени пермяков, арестованных по «политической» 58-й статье, вывозили в Свердловск. Там их ждала скорая расправа — приговор «тройки», как правило, расстрельный. Там же, на 12-ом километре будущего Московского шоссе, приговор приводили в исполнение. Но после 3 октября 1938 года право на расправу получила вновь созданная Пермская область. Вот тогда и поехали в сторону Егошихинского лога ночные телеги из тюрьмы НКВД №1.

Общество «Мемориал» не стало ждать ни официальных подтверждений, ни времени, когда тайное станет явным.

— Мы установили памятник жертвам репрессий на краю того самого Егошихинского лога, напротив бывшей тюрьмы НКВД, — продолжает Александр Калих. — Сегодня нам известно, что за годы советской власти (с 1918 по 1952 гг.) по сфальсифицированным приговорам было расстреляно более 8400 пермяков. А сколько погибло от голода и непосильного труда в лагерях ГУЛАГа, — до сих пор неизвестно, эту статистику государство не вело никогда. Наш памятник посвящен всем пермякам, ставшим жертвами сталинского режима. Вот уже многие годы сюда приходят люди, чтобы помянуть близких, подумать о прошлом и настоящем.

Мемориал был открыт в День памяти жертв политических репрессий 30 октября 1996 года. Он создавался на пожертвования жителей Перми, а так-

же при финансовой и организационной поддержке областной и городской администраций.

Автором проекта выступил известный пермский архитектор Михаил Футлик. Он предложил создать звонницу высотой около шести метров, вертикальную основу которой составляют грубые бетонные столбы, символизирующие лагерные заборы с «колючкой». Они установлены на основание в форме звезды — наиболее известного символа советской власти. На одной из стел надпись: «Памяти жертв политических репрессий», а на другой — стихотворные строки Анатолия Жигулина:

*О, люди! Люди с номерами,
вы были люди, не рабы.
Вы были выше и упрямей
своей трагической судьбы.*

Общество «Мемориал» не только выступило инициатором установки памятника, но и заботится о нём. Здесь регулярно проходят субботники, на которых молодые волонтеры вместе с детьми и внуками репрессированных благоустривают территорию. Однако за 20 лет состояние памятника ухудшилось, он нуждается в реконструкции. Ещё в 2008 году руководство «Мемориала» направило тогдашнему главе Перми Игорю Шубину проект предлагаемой реконструкции.

Мемориальцы обращали внимание на то, что в связи с нехваткой денежных средств в ходе строительства (в начале 90-х годов — ред.) применялись самые недорогие материалы и технологии. Так, колокол, установленный на звоннице, был изготовлен из чугуна, он не издаёт звон. Склон между памятником и нижней асфальтовой площадкой не представляет собой осмысленную часть мемориала, нет его художественного решения. К тому же памятник не защищён от различных хулиганских выходок. На нижнюю асфальтовую площадку нередко проникали грузовые автомашины, где сгружались горы мусора.

Общество «Мемориал» тогда и в последующие годы предлагало администрации города принять участие в ремонте и реконструкции монумента.

Планировалось отремонтировать дорожки, асфальтированные площадки, бордюры и ступеньки, установить дополнительное ограждение, выложить плиткой дорожку, ведущую к стоящей рядом церкви, высадить декоративные кусты, усилить охрану памятника и прилегающей к нему территории, а также изготовить новый — звонкий — колокол. Проект реконструкции предлагал ещё и создание мемориальной стены, где можно было бы разместить фотографии, рисунки и тексты, отражающие трагические события истории политических репрессий.

Правление общества «Мемориал» предлагало объединить работы по ремонту и реконструкции двух расположенных рядом знаковых для Пермского края объектов — памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и памятника жертвам политических репрессий. Обновление расположенных рядом мемориальных мест, к которым приходят тысячи пермяков и гостей города, должно было стать единым проектом с общим художественным решением и общим подходом к благоустройству территории вокруг памятников и организации их охраны.

Но, видимо, времена изменились не в лучшую сторону. И если в 1996 году администрация города приняла участие в установке памятника, то ни в 2008 году, ни позже общество «Мемориал» так и не дождалось поддержки его реконструкции.

Памятников жертвам политических репрессий в Пермском крае становится всё больше. Но и сегодня, 20 лет спустя после установки, звонница на Егошихинском кладбище является для края основным мемориалом жертвам государственного террора. В День памяти жертв политических репрессий и в другие скорбные даты у подножия памятника возлагают цветы, зажигают поминальные свечи, читают стихи, рассказывают о погибших родственниках. Это место печали и скорби. Но это и место познания нашей непростой истории, честные выводы из которой мы призваны взять с собой в будущее.

Колокол над Стиксом должен звучать.

В НОМЕРЕ

Андрей Суслов:
Точное число жертв никогда не будет известно

«В то время, когда принимается Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, где есть специальный раздел, посвящённый просвещению, многие политики говорят о том, что поменьше надо ворошить прошлое; идёт ползучая глорификация Сталина и его эпохи».

Интервью профессора, ведущего кафедру новой и новейшей истории России.

Стр. 2

Дело Зекцера

«Круги Дантова ада для Израиля Зекцера шли в такой последовательности: пересыльная тюрьма — промколония — высылка из Перми. После отбытия срока — ссылка и поселение в Красноярском крае. Освобождён он был только в 1954 году, со снятием судимости. Затем учёба в техникуме, работа геологом... А реабилитировали его только в 1990 году».

Драматичная история первого председателя Ассоциации жертв политических репрессий при обществе «Мемориал», написанная краеведом Владимиром Гладышевым.

Стр. 3

Хорошо забытое старое

«Передвижная выставка «Прикамье. Репрессии 1930 — 1950-х годов» приурочена к очередному Дню памяти жертв политических репрессий, который отмечается 30 октября. Экспозиция рассказывает не только об этапах становления и развития системы государственного террора в советский период, но и о людях, пострадавших от тоталитарного режима».

В Перми открылась выставка, посвящённая политическим репрессиям.

Стр. 4

Солнышко — символ тоски по Родине

«В 1945 году в три этапа — в июле, августе и сентябре — жители Литвы семьями были сосланы в Коми-Пермяцкий округ. Повторные депортации повторялись каждый год, вплоть до 1953 года. Эшелоны с людьми останавливались на железнодорожной станции Менделеево, откуда ссыльных переправляли на север».

В Коми-Пермяцком округе установлен памятник литовским ссыльным.

Стр. 4

АНДРЕЙ СУСЛОВ: ТОЧНОЕ ЧИСЛО ЖЕРТВ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ИЗВЕСТНО

Интервью профессора, заведующего кафедрой новой и новейшей истории России
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

— Вы — один из ведущих специалистов по теме политических репрессий в исторической науке Перми. Как обстоят дела с этой темой в научном плане?

— Тема сталинских репрессий, как и другие основные проблемы отечественной истории XX века, в последние десятилетия изучена основательно. Конечно, всегда будут находиться какие-то новые детали и аспекты, открываться новые документы, никто никогда не сосчитает точное число жертв — потому что их и в те годы не всегда считали, — но в целом с этой темой всё понятно, основные факты известны, их никто не отрицает — из учёных, конечно. Создана обширная историография — сотни томов, тысячи статей. В этом смысле Россию уже нельзя назвать «страной с непредсказуемым прошлым».

В подходах к теме нет, конечно, полного консенсуса

среди специалистов, но это и правильно. Это политики хотят, чтобы история была непротиворечивой, единой и неизменной, а в науке истина рождается в спорах.

Но для политиков история — не наука, а политика, повернутая в прошлое. Это символический капитал, средство манипулирования сознанием людей.

— Если всё уже известно, то над чем ещё остаётся работать историкам?

— Уточнения всегда важны. Наука стремится к истине! Чем больше деталей известно, тем мы к ней ближе. Кроме того, всегда открываются новые ракурсы освещения темы.

— Если с наукой всё в порядке, то как обстоит дело с просвещением по теме репрессий?

— Не могу сказать, что всё благополучно, и причины неблагополучия многообразны. Во-первых, общее снижение интереса к этой теме после всплеска 1980-90-х годов, когда активно открывались новые пласты истории. К тому же многие репрессированные ещё были живы. Во-вторых, у учителей снижается мотивация, поскольку их начальство в меньшей степени ждёт этого от них. Не запрещает, но и не поощряет. Поэтому учителя предпочитают заниматься другими темами. И, наконец, как ни печально, есть просветительский рывок со стороны сталинистов.

В то время, когда принимается Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, где есть специальный раздел, посвящённый просвещению, многие политики говорят о том, что поменьше надо ворошить прошлое; идёт пол-

зучая глорификация Сталина и его эпохи. При попустительстве властей устанавливаются памятники Сталину, вывешиваются билборды с его изображением.

— История с вашим методическим пособием для учителей — подтверждение этой тенденции?

— Совершенно верно. Создавая своё методическое пособие для учителей по преподаванию истории эпохи сталинизма, мы с моим соавтором Марией Черемных действовали абсолютно в русле Концепции госполитики. Это небольшое пособие — всего 40 страниц, посвящено оно в основном внеклассным занятиям, об уроках там одна глава. Первое издание состоялось в 2015 году, мы опубликовали текст на сайте нашей организации, активно раздавали методички учителям на семинарах. На совещании рабочей группы по выполнению Концепции госполитики в Пермском крае министр образования Пермского края Раиса Кассина предложила опубликовать текст на сайте Министерства образования.

Там-то его увидели сталинисты. У нас в этом качестве действует считанная кучка людей, мы всех их знаем по именам. Но шум они умеют устраивать громкий. Они начали писать клеветы — в минобр, в прокуратуру, в ФСБ, губернатору. Ведомства начали реагировать, не разбираясь. Представляете, губернатор возбудился на клевету по поводу методической брошюры для учителей! Клеветники существовали всегда, но далеко не всегда и не везде власть реагирует на мелких шавок.

Публикация была снята с сайта минобра и отправлена на экспертизу в Институт развития образования, где получила положительную оценку, после чего вернулась на сайт.

Но клеветники не успокоились: они нашли двух своих сторонниц из разных регионов, которые являются аккредитованными экспертами Роскомнадзора: одна — учитель географии из Новочеркасска, другая — клинический психолог из Санкт-Петербурга, и заказали у них экспертизу нашего текста. В этой экспертизе написано, что наша брошюра, во-первых, вредна для детской психики, а во-вторых, содержит призыв к нарушению порядка. Пер-

вое утверждение абсолютно нелепо, потому что книжка предназначена для взрослых, а второе вообще непонятно.

Конечно, бред. Можно долго хихикать, но минобр снова снял публикацию, по второму разу, а нам прокуратура выдала предписание «устранить нарушения» — промаркировать брошюру на «18 +». Хотя это смешно: там ничего «такого» нет. Так можно назвать опасным для детской психики учебник истории для седьмого класса, где описано, как княгиня Ольга отомстила древлянам! Любую книгу можно признать вредной!

— Как вы вообще видите ситуацию с «третьим сектором» в России? Каков ваш взгляд на его перспективы?

— Ситуация с некоммерческими организациями, конечно же, нездоровая. Государственное финансирование НКО снижалось год от года и сейчас практически прекратилось. Мы вынуждены прибегать к иностранным грантам — нас к этому практически принуждают. И тут же навешивают ярлык почти что шпионов. Наша некоммерческая организация уже получила от минюста статус «выполняющего функции иностранного агента».

Сейчас мы судимся, но перспективы очень неважные.

— Но ведь Центр ГРАНИ умудрился доказать в суде, что не является иностранным агентом?

— У них нет иностранного финансирования — они зарабатывают экспертизами. У нас же оно есть, поэтому мы должны доказывать, что не занимаемся политической деятельностью, а она у нас трактуется очень расширительно: раз просвещаешь, значит, влияешь на общество, а потому приравниваем к занятиям политикой.

— Что же делать?

— Продолжать противостоять нападкам, противодействовать искажению истории, просвещать, опираться на Концепцию государственной политики в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий. Делай, что должен, и будь, что будет. Ничего другого не остаётся.

Юлия Баталина

ДЕЛО ЗЕКЦЕРА

На Южном кладбище в Перми собрались пожилые люди. За спиной у каждого — тяжкие годы репрессий, потеря близких, родного дома — всего, без чего не должен жить человек. Почти год они собирали средства на строительство памятника ушедшему из жизни собрату, своему первому защитнику — Израилю Зекцеру. Весь пермский «Мемориал» собирал эти деньги. И вот теперь и сами собрались, чтобы открыть памятник бескорыстному и мужественному человеку.

Независимая партия

...Антисоветская группа состояла из пяти десятиклассников пермской школы № 11 и называлась так: Независимая Коммунистическая Партия Обновления (НКПО). Члены новой партии ставили своей целью «борьбу со всеми недостатками в СССР с конечной целью — коммунизм». Они успели провести всего шесть нелегальных собраний, разработать устав и составить присягу, в которой клялись всю свою жизнь бороться за победу во всем мире.

Вот, собственно, и всё их преступление.

НКПО создал фактически один человек — десятиклассник той же одиннадцатой школы, ныне — гимназии имени С. П. Дягилева Изя Зекцер. Почему именно он?

Может быть, потому что в подростковом возрасте было заложено свободолюбие. Не то, широко декларировавшееся Сталинской конституцией, но мёртвое на практике, — а естественное, как дыхание, стремление к свободе, как побеги зелёной ивы, что тянутся к солнцу, пробиваются вверх, где им хочется.

Кроме того, семейное воспитание. Семья Зекцеров приехала в Пермь из Ровно, который до 1939 года относился к Польше. В 1941-м они эвакуировались оттуда, перебрались к тётке. Разницу между польской и советской жизнью нельзя было не ощутить даже детям.

Впрочем, если посмотреть со стороны, Изя рос обычным, нормальным советским мальчиком. Активист, член ученического совета. И, конечно, комсомолец, момент вступления в ВЛКСМ запомнился ему как праздник. Тогда не быть в комсомоле значило слыть «белой вороной». Паренёк занимался спортом — волейболом, несмотря на малый рост. Прыгуч был, брал больше самолюбием, азартом, упорством.

Но однажды, когда съездили в деревню, когда увидели, в какой нищете живут колхозники, — после этого посе-рьёзнили Изя и его товарищи. Они понимали, разумеется, что сказывается ещё война, её разорительное наследие. Но не только же в этом было дело...

— Вы посмотрите, какой бюрократизм кругом! Справки

важнее, чем человек! Много красивых разговоров, а настоящей диктатуры пролетариата нет, политика партии искажается...

Так убеждал юный Зекцер своих друзей в необходимости создания самой справедливой организации. Конечно, раскрывался он только перед самыми надёжными ребятами, теми, кому доверял. Склад ума у него был критический, но в школе он свои замечания и сомнения не высказывал. Понимал, что опасно. Родители его (отец — снабженец, мать — домохозяйка) своих взглядов в открытую не выражали. А вот старшая сестра задушевные разговоры с братом вела и горестных наблюдений своих от него не скрывала.

Новая «компартия» просуществовала всего несколько месяцев, даже чёткой программы не успели разработать борцы за социальную справедливость. Так, разрозненные мысли, решительные тезисы, жаркие речи на тайных собраниях и... желание пробиться на приём к первому секретарю обкома ВКП(б). Для чего? Чтобы все ему выложить, «раскрыть глаза».

Изя Зекцер и некоторые его приятели допускали, что Первый — такой же, как все, но пусть узнает, он же главный представитель руководящей партии в Молотове! Пусть узнает, а дальше — будь что будет.

Ирония судьбы в том, что в семье первого секретаря обкома партии Николая Ивановича Гусарова рос свой вольнодумец. Своего сына Володю, который был чуть постарше Изи Зекцера, Гусаров не смог воспитать в духе партийных требований. Сын секретаря стал позднее диссидентом, автором книги «Мой папа убил Михоэлса». Бесильное обещание Гусарова-старшего по адресу сына: «Я научу тебя Родину любить!» — так и осталось фразой. Чего нельзя сказать о юных партийцах-школьниках: с ними секретарь приказал разобраться быстро и радикально. Чтб другим неповадно было...

Арест

6 декабря 1945 года Изя Зекцер был арестован и шесть месяцев находил-

ся под следствием. Допросы вёл, «ввиду особой важности дела» сам начальник следственного отдела МГБ Хецелиус. Такого в Перми давно не бывало. Зекцер решил всё брать на себя, поскольку считался организатором партии.

— Но скрывать мне было нечего, — вспоминал Израиль Абрамович. — Потому что чекисты уже почти всё знали! Имена всех моих товарищей по партии органам были известны. Долгое время я не знал, кто из них дошёл, но кто-то же «наступал». С показаниями товарищей следователь меня частично знакомил. Обошлось без очных ставок. Меня не били, нет. В общем-то, следователь отнёсся ко мне хорошо. Он ведь мог взяться и за моих родственников, хотя дома я никогда не говорил о партии. Я ничего не отрицал, был убеждён, что правда — на нашей стороне. Агитировал? Да, привлекал молодёжь в организацию, но не призывал к восстанию против советской власти. Тут у нас со следователем отыскался пункт расхождения. Я говорил одно, а следователь записывал другое: что я «вёл антисоветские разговоры» и т.п. В конце концов, я подписал всё, что он хотел...

Позже он узнал имя доносчика. Но никакого чувства мести не испытал! Всё простил «слабаку». Он и следователя своего простил, объяснив это просто: «С членами подобной молодёжной организации в Воронеже, созданной несколькими годами позднее, обошлись гораздо более жестоко...» Только по одному пункту «антисоветчик» (на самом-то деле, как мы понимаем, Израиль Зекцер не был таковым ни тогда, ни позже) настоял на своём. Следователь настойчиво выяснял у мальчика, заходя и с того боку, и с этого, требовал, чтобы он назвал взрослых руководителей организации. Но возводить очевидную напраслину на себя и, главное, на других юноша не согласился. Запрещённой литературы лидер «Независимой компартии» практически не читал. Во время обыска у него дома изъяли дневник, из которого выяснилось, что юные заговорщики регистрировали каждое своё собрание! Ещё у Изи нашли книжку о путях строительства

социализма издания 1920-х годов. Оказалось, «троцкистское» издание...

Ему было 16 лет, когда прозвучал приговор Особого совещания (ОСО) при МВД СССР: три года исправительно-трудовых лагерей, по статье 58, пункт 10, «Пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных выступлений...»

Максимализм как принцип

Круги Дантова ада для Израйля Зекцера шли в такой последовательности: пересильная тюрьма — промколлония — высылка из Перми. После отбытия срока — ссылка и поселение в Красноярском крае. Освобождён он был только в 1954 году, со снятием судимости. Затем учёба в техникуме, работа геологом... А реабилитировали его только в 1990 году.

В годы «перестройки», уже находясь на заслуженном отдыхе, Израиль Абрамович вновь включился в общественную работу. Скольким жертвам репрессий он помог! Борьба, которую он вёл, оказалась намного успешнее, чем у «партии обновления» осенью 1945-го. Возглавив Ассоциацию жертв политических репрессий при обществе «Мемориал», Израиль Абрамович числил в её деятельности частичку юношеского максимализма члена НКПО. Немало

признательных слов довелось услышать ему на праздновании 10-летнего юбилея Ассоциации и даже получить награду — медаль Ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени, что само по себе случай исключительный, так как государство наше правозащитников не балует.

Защищая интересы людей, пострадавших от репрессий, он мог из чиновника, как говорится, «вытянуть жилы». Но и благодарить умел. У многих пермяков остались на память о неугомонном председателе Ассоциации его благодарственные письма — за поддержку и понимание деятельности, направленной на демократическое развитие общества и утверждение принципов гуманизма, ненасилия, приоритета прав человека. Это было делом Зекцера, содержанием всей его жизни.

— Он отстаивал права сотен людей. Ведь только по городу Перми членов Ассоциации тогда было свыше четырёх тысяч, — говорит почётный председатель Пермского краевого отделения общества «Мемориал» Александр Калих. — Да, с ним было порой непросто. Радикальность, прямолинейность — всё это могло вызывать разные чувства. Но то, что он был совершенно бескорыстен, руководствовался нравственным законом, законом совести — это было очевидно всем. Даже его врагам.

Владимир Гладышев

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

В Перми открылась выставка, посвящённая политическим репрессиям

«Вот описание имущества, изъятого у кулака, вот фотография с судебного процесса над раскулаченными, а это — письменное требование покинуть тогдашний Молотов в течение десяти дней», — показывает историк Олег Нечаев на копии документов и фотографий. Иллюстрации можно увидеть на цветных баннерах в Человеческий рост. Экспозиция «Прикамье. Репрессии 1930 — 1950-х годов» открылась в Горьковской библиотеке и будет работать до конца сентября. Вход свободный.

Первая версия выставки появилась ещё в конце 1990-х годов благодаря учёным музея «Пермь-36» на месте бывшей колонии в Кучино. Стенды возили по всей области, а потом — по всему краю. Экспонаты — выписки из приказов, воспоминания зеков, изображения, — и комментарии к ним остались прежними, то есть не испытали влияния нового государственного взгляда на репрессии, как, например, тот же мемориальный комплекс в «Перми-36». В итоге, как ни странно, именно баннерная выставка в Горьковке — один из немно-

гих способов узнать нерафинированную версию политрепрессий в Прикамье.

Политзеки, которых не было?

Кстати, государственный музей в Кучино на открытии выставки вспомнили. Доцент Пермского классического университета, один из авторов экспозиции Леонид Обухов заметил на библиотечной стойке буклет «Мемориального комплекса политических репрессий». «Как так?» — комментирует Обухов издание, начав его читать. Выяснилось, что у авторов брошюры другой взгляд на соотношение количества «уголовников» и «политических» в бывшей зоне.

В обновлённой версии выставки собрали самое главное из того, что знают пермские учёные о неприглядных страницах советской истории. Посетители увидят разделы: «Быт заключённых», «Трудармия», «Вишлаг» и другие. «Изначально мы хотели, чтобы люди и почувствовали масштаб репрессий, и прикоснулись к тому, как они проходили именно в Прикамье, — вспоминает один из основателей музея на месте «Перми-36» Татьяна Курсина, — то есть узнали об истории через судьбу земляков».

«От жаркой работы растает твой срок»

Кроме графиков об использовании принудительного труда, фотографий осуждённых в бараках и на месте работы, есть и образцы искусства, бывшего в ходу при тоталитарном режиме. «Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок», — призывает один из плакатов. «После длинной полосы беспечности, безыдейности, нравственной опустошённости эти люди, зачеркнув своё прошлое, нашли себя в социалистическом труде», — гласит заставка из кинохроники. Рядом с таким оптимизмом — точность расчётов секретной справки «О количестве работ управления лагерями ОГПУ на 30/31 г.»

Почётный председатель Пермского отделения общества «Мемориал» Александр Калих интересуется количеством выселенных из Прикамья «ку-

лаков» в начале 1930-х годов. Авторы выставки тут же показывают на абзаце на одном из баннеров. В тексте говорится, что в январе 1930 года Уралобком ВКП(б) объявил план по Пермскому округу — 900 семей. При этом «контрольные цифры перевыполнялись и пересматривались в сторону увеличения. За 1930 — 1931 гг. с Урала было выселено 26 854 семьи».

Может показаться, что выставке не хватает интерактива, нет возможности задать вопрос и тут же узнать ответ. Зато эта архивная подборка уникальна. Она рассказывает о порочности принудительного труда, а это уже не так привычно слышать: например, в новых экспозициях в Кучино делают акцент на успехах промышленности, в том числе в «шарашках» ГУЛАГа. Поэтому, возможно, и хорошо, что некоторые ответы находятся не сразу.

Михаил Данилович,
фото Дмитрия Окунцева

Передвижная выставка «Прикамье. Репрессии 1930 - 1950-х годов» приурочена к очередному Дню памяти жертв политических репрессий, который отмечается 30 октября. Экспозиция рассказывает не только об этапах становления и развития системы государственного террора в советский период, но и о людях, пострадавших от тоталитарного режима. Среди них писатель Варлам Шаламов, отбывавший заключение в Вишерлаг; выдающийся хирург, будущий ректор Пермского медицинского института Евгений Вагнер; знаменитый археолог, организатор Камской археологической экспедиции Пермского университета Отто Бадер.
По данным Пермского государственного архива новейшей истории, невинными жертвами государственного террора стали более 38 тысяч пермяков. Это только те, кого арестовали и осудили по печально известной 58-ой статье Уголовного кодекса РСФСР. В 1937-1938 годах 7474 человека приговорили к «высшей мере» — расстрелу. Сюда необходимо добавить сотни тысяч «раскулаченных» крестьян и представителей депортированных народов, высланных в административном порядке. Подсчёт репрессированных до сих пор не завершён.

СОЛНЫШКО — СИМВОЛ ТОСКИ ПО РОДИНЕ

В Коми-Пермяцком округе установлен памятник литовским ссыльным

В Пермском крае появляется всё больше памятников жертвам тоталитарного режима — политзаключённым, спецпереселенцам, ссыльным. 18 августа 2016 года в Ошибском сельском поселении Кудымкарского района, в бывшем спецпосёлке Галяшор семеро литовцев установили памятник своим соотечественникам, депортированным в Галяшор в 1945 — 53 годах. Проект финансировался жителями Литвы, сбор средств был организован через «Общину политзаключённых и ссыльных Вильнюса».

Памятник, созданный профессором Ионасом Гудмонасом, состоит из основания и двух вертикальных блоков, которые вместе образуют католический крест. В центре креста прикреплено металлическое солнышко — литовский народный символ, выражающий тоску по Родине. Место для памятника — исчезнувший посёлок Галяшор, примерно в ста метрах от местного кладбища, которое сохранилось.

На табличках сделаны надписи: «Здесь покоятся литовцы, поляки — жертвы политических репрессий 1945

года» и «Мы вас помним, любим, скорбим. Соотечественники», а на двух металлических плитах выписаны 90 имён

и фамилий ссыльных из Литвы, которые не вернулись на родину.

В 1945 году в три этапа — в июле, августе и сентябре — жители Литвы семьями были сосланы в Коми-Пермяцкий округ. Подобные депортации повторялись каждый год, вплоть до 1953 года. Эшелоны с людьми останавливались на железнодорожной станции Менделеево, откуда ссыльных переправляли на север.

В 1945 году в Галяшор прибыли около 60 (по другим данным — около 80) литовских и польских семей. Жили в казармах, построенных из добываемого леса. Голодая, многие люди умерли, были убиты или ранены во время работы в лесу. В 1957 году литовцы смогли вернуться в Литву, поляки также уехали в Польшу. Приезжие полностью покинули посёлок к 1970 году. В Галяшоре похоронены около сотни человек, депортированных из Литвы.

Памятник будет служить напоминанием для будущих поколений: таким событиям не должно быть позволено повториться.